

Дарья
Симонова

ТЕТЯ

ПЕЛАРГОНИЯ

И ТАЙНА РОДА

Женские истории

Дарья Всеволодовна Симонова
Тетя Пеларгония и тайна рода
Серия «Женские истории»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48812206

Тетя Пеларгония и тайна рода:

ISBN 978-5-227-08980-9

Аннотация

Тридцатилетняя Ника недавно развелась. Она вовсе не собиралась ставить на себе крест, чураться отношений с мужчинами или зарекаться от нового брака. Вероника хотела избежать всеми силами только одного – чтобы двоюродная тетушка Пеларгония Антоновна занималась устройством ее личной жизни. Тетя Пеля обладала на редкость цепкими руками и жадой благодетельствовать родню. И в случае с Вероникой она была непреклонна. «Кукла моя! Нам нужен свежий муж», – заявила Пеларгония Антоновна Нике и с энтузиазмом принялась устраивать судьбу племянницы...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дарья Симонова Тетя Пеларгония и тайна рода

Серия «Женские истории»

© Симонова Д.В., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

* * *

Часть первая

Глава 1

Искусственно состаренный мужчина

Моя тетя Пеларгония всегда мечтала облагодетельствовать меня. С моего рождения, а может, и раньше. Ей, человеку космического великодушия, ничего не стоило углядеть заблудшую овцу в зародыше. Мир, как известно, полон овец, которым не обойтись без надоедливой и душной наперсницы, но правдивые детали – стеклянная крошка в клубке родственных уз. Их надо подсыпать осторожней. Словом, мясистый нос тетушки все время вибрировал от неукротимого альтруизма. И ведь, что обидно, жертвы ее благих намерений вечно выскальзывали из-под опеки! Я не должна была подвести ее, хоть и боялась повелительных женщин не меньше,

чем рептилий.

Скучна была бы наша жизнь без благодетелей. Скучна и безмятежна.

Пеларгония, с ее крючковатыми дрожащими пальцами, была проводником неведомого и пугающего добра. И все знали – пробьет и мой час, когда обрушится на меня ураганная тетушкина забота. Только в сказках добрые феи молоды и прекрасны, а злые отягощены отталкивающим интерфейсом. В жизни такой наивной справедливости конь не валялся. И новорожденный младенец может сильно заблуждаться по части той, что склонилась над ним...

Мои близкие с бодрым лицемерием уверяли, что мне несказанно повезло: сама Пеля Антоновна взялась содействовать моему личному благополучию. В счастливые детские времена я часто бывала у нее в гостях, и тогда она обрушивала на меня поток расспросов, словно прощупывала почву для своих грандиозных замыслов. Но девочка была еще долговяза, неуклюжа и с упоением играла с двоюродным братом в осликов. Сырой материал... Тетя надеялась, что издержки роста со временем сгладятся. А зря! Некоторые девочки крайне упрямы в сохранении невыгодной конституции. К тому же они с лошадиной и – чего уж! – немного ослиной грацией уходят с перископов, чтобы наделать самостоятельных ошибок. И вот тут просто необходимо вмешательство мудрейших.

Таким образом, судьба моя была предрешена. Однажды

наступил мой припозднившийся звездный час – мне грянуло тридцать и я в разводе. От тети Пели теперь не отвертеться, и она уже звонила восемь раз. А я немедленно разорвала дипломатические отношения с мамой из-за того, что она проговорила Пеларгонии о моем рухнувшем замужнем статусе. «Но она все равно узнала бы! И нам же было бы хуже, если бы ей рассказали об этом со стороны...» Материнское сердце, как всегда, не ошибалось, но мне с того было мало радости. Я шла на заклание к тетке, готовой испепелить меня заботой, и несла гостинец – иезуитски дорогую и столь же иезуитски крошечную коробочку ее любимых конфет. Легкая ноша усиливала мою зудящую тревогу. Хотя остатки здравого смысла бормотали, мол, подумаешь, тетя! Однако любой житель нашей не самой безмятежной планеты знает: среди родственников порой встречаются настоящие монстры.

– Кукла моя! – по-тбилиски тепло встретила меня Пеларгония.

Она была родом с Кавказа, впрочем, никто толком не знал, когда и где она родилась. «Это тайна вашего рода!» – любил иронизировать мой отчим. Ему можно – он единственный, кого Пеларгония не доводила вытяжкой из синей бородавки. Что за снадобье и чья бородавка – увольте! Пеларгония сама путалась в показаниях. Ее вытяжка помогала то от давления, то от суставов, то от дурного старческого запаха, а то и от... бородавок. Да минует меня чаша сия.

– Нам нужен свежий муж! – требовательно и без лишних предисловий начала Пеля, поставив предо мной для разжигания аппетита графин с подозрительной темной жидкостью. Уж не знаменитая ли вытяжка?! – Мое фирменное вино из черноплодной рябины. Способствует мозговой деятельности. Выпей! Нам предстоит долгий разговор. Долгий и приятный. О волнующих перспективах! – И Пеля интригуяще подмигнула мне, затрепетав от возбуждения обоими подбородками и пепельными кудрями. – Я хочу еще на своем веку увидеть твоё процветание и погулять на свадьбе у богатой племянницы.

– О, тетя, я пока отдыхаю на скамейке запасных. Как говорится, хорошее дело браком не назовут. И потом, сама знаешь, как сейчас туго с мужским контингентом.

– Чушь! Мужчин полно. Отбрось эти плебейские предрассудки, – категорично возразила тетка, водрузив на стол пузатую супницу, а за ней блюдо с тремя сочными бифштексами и пастой с восхитительным белым соусом, секрет которого, боюсь, не знают даже в Тоскане. Пеларгония знала толк в простой, вкусной и изобильной пище с ностальгическими советскими вкраплениями. Мне полагалось съесть большую часть вкусного обеда, себе же Пеларгония скромно положила одну котлетку. – Кушай, дорогая, и рассказывай. Какие тебе нравятся мужчины?

– Я же сказала, что пока не в теме. Посттравматический синдром.

– И чем это тебя так травмировали?! Неужели муж тебя бил?

– Да, разумеется, – решила я внести острую ноту в надвигающуюся женскую болтовню о сломанном браке, но Пеларгония даже глазом не моргнула. Точнее, она принялась с излишней сосредоточенностью пережевывать пищу, и ее застывший взгляд свидетельствовал о сложной внутренней борьбе. Кто или что победило, осталось тайной даже для самой тети. Но держать мейерхольдовскую паузу она не умела и не нашла ничего лучшего, как подтвердить базисный принцип мазохистов:

– Бьет – значит любит, чтоб ему пусто было. Но это ведь ты пошутила, правда?

В благодарность за тетину вкуснятину я неохотно согласилась. Что еще оставалось... Не сочинять же весь вечер готическую сагу об ужасах моей супружеской жизни. Правдивая история обыденна и совсем не для застольной беседы. Так будем же мечтать! Какие мне нравятся мужчины? Этот вопрос был решен мною еще в те времена, когда все дети нашего городка были уверены, что Михаил Боярский – муж Аллы Пугачевой. И только я в пятилетнем возрасте знала, что это не так. Потому что Боярский жил в нашем доме, и без Пугачевой, зато в кожаном плаще и с маленькой болонкой под мышкой. Конечно, некоторые сомнения в подлинности нашего Боярского у меня были – ведь у него не было шляпы. И буржуазная болонка тоже не вписывалась в образ. Зато во

всем остальном это был мужчина хоть куда. Впоследствии кожаные плащи сыграли в моей жизни свою роковую роль. Но вряд ли именно это хотела от меня слышать дражайшая Пеларгония.

– Видишь ли, тетя, я могу тебе наглядно показать, какие мужчины мне нравятся. Точнее, какой. Но с одной только поправкой – его надо состарить лет на пятнадцать. А пока он слишком молод.

– Тебе нравятся старые?! – воскликнула тетушка, избыточно артикулируя неровно накрашенными губами.

– Не старые. После сорока. Сама понимаешь – в сорок пять не только баба ягодка опять.

– Поняла. А кого надо состарить? – деловито осведомилась Пеларгония.

Объяснить это было непросто – искомого персонажа я откопала в одном фильме, который вряд ли мог попасть в тетино поле зрения. Пришлось пообещать Пеле эксклюзивный домашний показ. Может быть, когда-нибудь. Пути назад не было – тетка распалилась. И все мне во благо, ведь она была уверена, что мужчины – как типовые модели. Достаточно определиться с фасоном – и можно легко соорудить себе похожий, и даже его усовершенствовать.

Ну и славно, что тетя так думает. У меня будет время улизнуть от ее навязчивого сервиса. Неизвестно, когда я навещу Пеларгонию в следующий раз. А к тому времени она забудет о моем киноидеале. Делать ей нечего! Впрочем... беда в

том, что действительно нечего. И оттого тему предпочитаемых мною марок, а также новинок в мужском разнообразии Пеля оседлала крепко, словно ведьма свою метлу. Мне оставалось только латать прорехи в обороне.

– Тетя, вы меня поражаете истощенным триуизмом. Зачем вы так со мной? – Я брала высокопарную ноту, которая, как мне казалось, прекрасно гармонирует с десертом – шоколадным тортом с ореховой прослойкой, рецепт которого знала только Пеларгония. – Неужели непонятно, что сейчас мне никакие мужчины не нравятся. Я же говорила, что пока отдыхаю на скамейке запасных!

– Тихо-тихо! – закудаhtала тетка, успокаивая меня и подкладывая мне еще порцию, которая удовлетворила бы бегемота-подростка. – Не кипятись. Я сама знаю, что от мальчиков одна грязь в доме. Я просто хотела, чтобы ты развлеклась грезами и болтовней, а заодно развлекла бы меня, старую вдову. Подумай, мне-то с кем говорить о мужчинах? А такие разговоры необходимы для жизненного тонуса. Они освежают, веселят, повышают уровень полезных гормонов и... абсолютно безопасны, в отличие от реальных страстей. Помни, что любая страсть непоправима, хоть мы и помешались на Соломоновом кольце!

Так-так, Пеларгония начала изъясняться туманно, что верный признак ее опьянения. Оно никогда не бывает сильным, но часто имеет непредсказуемые последствия для окружающих. Надо держать ухо востро, а лучше скорее свали-

вать, набив желудок до отказа всякой вкуснятиной.

– Тетя Пеля, ты имеешь в виду надпись на Соломоновом кольце «И это пройдет»?! Помнится, вы рассказывали об одном вашем буйном поклоннике юности, который воспроизвел Соломоновы слова на двери вашей квартиры...

Имелся в Пелином арсенале и такой сумасшедший. Но сейчас Пеларгония только досадливо отмахнулась от этого воспоминания. Такой хоккей ей больше не нужен, а мне и подавно. Она жаждала веселого щебетания двух подружек. Вот ужас! Я была совершенно не готова к такому развитию событий. Мямлила что-то политкорректное о вневременных типажах вроде Эдуарда Хиля. А что мне оставалось? Побаловать старушку куртуазными историями о сексе на эскалаторе? Не умею я непринужденно болтать о мужчинах, тем более с пожилыми вдовами. Пережитый мною опыт располагал к более радикальным жанрам.

Пеларгония сочла мое притворство несостоятельным. Она уже вошла в кураж и запальчиво осуждала мои упаднические настроения:

– Подумать страшно, что вытворял твой бывший муж, если сумел начисто отбить у тебя охоту к новому браку. Может, изменял?! Нет, не похоже. Тогда в тебе играл бы азарт взять реванш. Где твой былой фонтанирующий оптимизм?! Я же тебя знаю с рождения, детка...

Видимо, Пеларгония имела в виду мой упругий жизненный тонус времен игры в осликов. Впрочем, далеко не толь-

ко тетя Пеля была уверена в том, что знает меня лучше собственной зубной щетки. Так уж я устроена: примерно половина знакомых мне особ женского пола пребывают в иллюзии, что крепко дружат со мной с незапамятных времен. А половина моих знакомых мужчин уверены, что я тайно влюблена в них. Ну... или не тайно. В общем, было дело, но мне вежливо отказали, упрещающе потупив взор, то есть щадяще, на полутонах. Таким образом, меня всегда можно держать про запас. Но, увы, на гребне успеха о таких «запасниках» обычно забывают.

Давно пора было развеять чужие иллюзии, в том числе и тетины. Пелина черноплодная настойка дала и мне волшебной палочкой по мозгам, что и сподвигнуло меня начать крестовый поход против насильственного заточения в счастливой ячейке общества. Пеларгония раскраснелась и кричала, что я поддаюсь греховному унынию, что лет через десять я об этом пожалею – ведь в сорок лет, когда я непременно опомнюсь и начну изнывать в одинокой постели, улов хуже, чем в тридцать. А я в ответ кричала, чтобы она оставила это примитивное биологическое счетоводство, потому что лично я имею мало отношения к общей статистике. Жизнь показала, что я особый случай, и это вовсе не гордыня. Не то чтобы у меня лишний палец на левой руке или телепатическая способность предвидеть, какие акции поднимутся в цене на бирже. Просто в любом опросе населения я попадаю в самую малочисленную категорию «другое». В этом схема-

тическом круге я отношу себя обычно к самой маленькой дольке пирога вселенной. Такое тихое тщеславие помогает мне не брать в голову всякие неприятные закономерности... Что, конечно, не устраивало Пеларгонию. Потому что тем, кто задирает нос, хорошего мужа не видеть.

– Послушайте, тетя. Ваши принципы проповедовались еще в первобытном наскальном глянце, – начала я твердолюбую атаку, не будучи уверенной в том, что Пеля понимает, о чем речь. – Весь этот напряженный для организма поиск мужей заставляет держать себя на распорках улыбки миру круглосуточно. А это чревато тем, что рано или поздно улыбка превратится в оскал. Если жизнь коротка, а хорошие мужья все равно редкость, значит, радость надо уметь высекать из альтернативных источников энергии. Лично я с ума сойду, если буду ежеминутно стрелять глазами в поисках крупнокалиберной дичи под названием «муж номер два».

Серо-голубые глаза Пеларгонии на минуту заволочла философская печаль. Но долгие медитативные простои в диалоге были ей не свойственны, и она быстро перешла в риторическую атаку. Теперь это была атака лирическая и задумчивая.

– Я понимаю, о чем ты. Поверь мне, старой вдове, изъеденной чужой моралью... Ты же помнишь дядю Пашу. Ты, маленькая, его обожала. Хотя он был не подарок, право слово. Ну да ладно, речь о том, что, когда он скончался, я решила: раз мне уже чуть больше пятидесяти и тридцать лет из

них была замужем, значит, с меня хватит семейного счастья. Больше тридцати в одни руки не дадут! И только теперь я понимаю, что сваляла большого дурака. Однако я смотрю вокруг и вижу, что нынешняя молодежь еще глупее. Эти цветущие тощие девицы выдумали оправдание своей лени – дефицит мужчин – и бездарно тратят время в женских компаниях!

– Тетя, они просто так отдыхают, – примирительно усмехнулась я. – Плачутся в жилетку, советуются. Человеку нужен тайм-аут. Или, в конце концов, временное лекарство от одиночества.

– Лекарство от одиночества должно быть вкусным! – с неожиданной глубинной болью в голосе отозвалась Пеларгония. – Да, вкусным, вопреки всем злодеям, которые пытаются нас втиснуть в режим ограничений и нагрузок.

Крыть было нечем. Я тоже за вкусную и здоровую пищу для тела и души. И пока мы с теткой резонировали, гневаясь на ограничивающих нас злодеев, периодически терзая имя несчастного дяди Паши, за окном сгустился вечер. Пеларгония вдруг принялась набирать чей-то телефонный номер.

– Знаешь, время позднее, и я не могу допустить, чтобы ты брела по нашим дворовым катакомбам одна. Я сейчас попрошу одного доброго человека, чтобы он тебя проводил.

– Что за идея? Не вздумайте, тетя, ради меня кого-то беспокоить! – испугалась я. – Время-то детское, я прекрасно дойду сама.

– Спокойно! Это просто мой сосед, который всегда провожает моих гостей. Ему нравится! И он мне многим обязан. Отнесись к этому проще. Ему пойдет на пользу прогулка. Если хочешь знать, он сам попросился в провожатые, и вот уже много лет...

Господи, только этого не хватало! Пеля немедленно приступила к своим коварным matrimониальным планам. Похоже, этот сосед – первый кандидат в мои мужья. Какой кошмар. И ведь сбежать никакой возможности – этот любитель поздних прогулок уже спускается. Какая подозрительная оперативность!

– Вот уж кого не надо искусственно старить. Он это сделал вполне естественным путем... – вполголоса пробормотала Пеларгония.

Мне оставалось только покориться участи Орфея, препровождаемого в царство Аида.

Глава 2

Образованные свиньи предпочитают бисеру стразы

Когда моего двоюродного братца спрашивали, почему у его мамы такое странное имя, он складывал свою тогда еще пухлую губастую физиономию на мощный постамент кулака – удар у него был еще тот! – и с деланой печалью отвечал: «Это еще что... Дедушку вообще звали Фемистокл». После чего братцу сочувствовали, как ребенку из неблагополучной семьи. Кузен, конечно, безбожно врал, и никакого Фемистокла в нашем роду замечено не было, но надо же было парню как-то справляться со смущением. С таким понятным для отроков стыдом за домочадцев! А если еще принять во внимание, что муж Пели дядя Паша имел привычку со зловещей нежностью называть жену «Агония» и вопить ей вслед с балкона, чтобы она не забыла купить «Беломор» в количестве шести пачек. Но главное – главное! – папиросы должны быть Урицкого, а не Клары Цеткин! Вечная борьба двух титанов-производителей, которую Пеларгония опро-

метчиво сбрасывала со счетов. Разве есть разница, на какой фабрике создали эту отраву?!

Собственно, вопрос заключает в себе великое противоречие миров. В одном мире эта разница огромна, в другом ее не существует, равно как и радости от алхимического брака пива и воблы. И наконец, еще одна деталь: я ведь не смогу поклясться на Библии в том, что «Беломор» Урицкого требовал именно дядя Паша, а не другой фигурант из моего генеалогического древа. Таково свойство воспоминаний из семейного альбома – что-нибудь обязательно перепутаешь и породишь легенду. Быть может, так и родился таинственный Фемистокл? Впрочем, не о нем речь.

А еще у дяди Паши был кот, который любил посасывать его мочку уха, когда хозяин, лежа на диване, обдумывал очередную захватывающую речь. Паша был адвокат и рано сгорел. Он говорил: «Как я от вас от всех устал!» И однажды устал насовсем. Но мы хранили память о нем. Точнее, мы пытались хранить свою память, а Пеля навязывала свою. Лет пять она утирала слезу о безвременно ушедшем, а потом как с цепи сорвалась, объявив, что женская ее судьба погребена под Пашкиной плитой, что она когда-то сделала огромную ошибку и что теперь-то знает, как надо было жить. Неужели отравить бедного Пашу на заре супружеской жизни?! В ответ на провокации Пеля издавала обиженный клекот своим мясистым рубенсовским носом и шептала: «Чудовище, чистой воды чудовище...»

Конечно, чудовище, как же иначе. Об этом милом чудовище, которое дарило мне на Новый год вкусные подарки из привилегированного буфета исполкома, я вспоминала теперь с теплой слезой благодарности. Потому что Пеля Антоновна подсунула мне кое-кого почудовищнее своего покойного супруга. А именно – добровольно провожающего до метро припозднившихся подруг своих соседей. Миссия не такая лакомая, как кажется на первый взгляд. По неведению я заведомо прониклась уважением к бесстрашному жертвенному рыцарю окраинной пятиэтажки, который бескорыстно провожает эксцентричных Пелиных товарок. Одна директриса птицефабрики в широкополой меховой шляпе чего стоила. Директриса, надо заметить, давно была в отставке, а бывшее величие портит характер. Наверняка жертвенному оруженосцу доставалось турецким веером по носу, пока он вел венценосную даму темными дворами. Примадонна все никак не могла забыть личного шофера и прочие радости директорства, хотя распрощалась с ними лет дцать назад. Ну да бог с ней. Я ее и видела-то один раз в жизни. Зато с оруженосцем случай свел поближе.

А ведь когда этот добрый самаритянин явился на порог Пеларгонии, выглядел он совершенно безобидно! Примерно как засидевшийся в звании младшего научного сотрудника тихий ученый, лишенный карьерной хватки, но из тех, что дадут фору любому профессору. Немного застенчивый, добрый и улыбочивый. И как не растаять и не потерять бдитель-

ность под тихим лучом интеллигентного обаяния?! Моя бедовая тетушка резко выросла в моих глазах. Припасла такого редкого мужчину, да еще пытается столь ненавязчиво мне его всучить. Каково деликатное величие замысла! Впрочем, благодарно млеть мне было некогда.

– Вот, знакомься, это моя дорогая племянница Ника... – начала она церемонное представление двух сторон друг другу, которое моя память впоследствии гневно исторгла из себя.

Осталось лишь язвительное прозвище для внутреннего пользования – Вампир Аркадьевич. Ведь, если вспомнить, даже в первые минуты нашего знакомства мой провожатый ему соответствовал. Он не пил мою кровь, зато ел мой мозг. Точнее, аккуратно отгрызал по кусочкам – интеллигент все-таки. Я-то полагала, что он из породы смущенных молчунов и всю дорогу мы не пророним ни слова. Но скромник оказался на удивление болтлив и тут же начал душить меня интеллектом, подлавливая на преступной необразованности. Ну вот не скажу я навскидку годы правления Алексея Михайловича, в какой части Греции находится Афон и доказана ли теорема Ферма! Разве ж это преступление? Вампир Аркадьевич победительно шмыгал носом на всякий мой «пропущенный ход» и в итоге с неожиданно трогательной простотой пригласил меня на выставку осетинского оружия. Он вдруг оставил нарастающую было ученую спесь и шмыгнул носом уже с дружественной простотой. Из чего я немед-

ленно сделала щадящий вывод: мой проводник от смущения выбрал несколько витиеватую форму завязать знакомство. И вовсе он не заскорузлый сноб. Посему, даже не успев подумывать о том, интересуюсь ли я осетинским оружием, я вдохновенно закивала. И вскоре поплатилась за свою поспешность.

Первой глупостью с моей стороны было то, что я без колебаний дала Вампиру номер своего домашнего телефона. Он позвонил мне раз пятьдесят за день, чем вызвал тревожное недоумение домашних и полный упадок моих сил. До сего момента и понятия не имела, что ни к чему не обязывающей болтовней можно довести до нервного срыва. Вовлечение в разговор было плавным и занимательным, и я сама не замечала, как оказывалась вовлеченной в совершенно чуждую мне дискуссию. Например, о... нежелании современных женщин печь пироги и рожать детей. Я, сглупив, парировала в шутку, что куда опаснее противоположная тенденция, а именно растущее желание печь пироги и рожать детей среди мужского населения планеты. А уж что первично – нежелание одних или желание других, – история рассудит. Главное, чтобы в результате этой неразберихи мы не вымерли бы, как мамонты. А в остальном... в общем, я решила вступить хотя бы за тех своих подруг и знакомиц, что беззаветно следуют принципу добропорядочных бургерш «киндер, кюхен, кирхен». Но Вампира Аркадьевича не убеждала статистика, его интересовали лично мои пробелы в женском предназначении. Что ж, детей у меня пока не было, а печь

я умела лишь шарлотку и торт «Муравейник», в чем упражнялась крайне редко... Профнепригодность налицо! После первого же сеанса столь пристрастной телефонной связи меня душили слезы, к пятому разговору я уже успела раза два всплакнуть, а к концу говорильного марафона накалилась до стадии «Свободы на баррикадах». И ведь если бы меня спросили, зачем я ввязываюсь в телефонные баталии, я не дала бы вразумительного ответа. Точнее, он был бы постыдно примитивен: Вампир Аркадьевич протягивал мне руку помощи, дабы вытащить меня из пут одиночества и кулинарного убожества. Он фактически делал мне предложение! Его послушать, так чего kota за причиндалы тянуть! Видишь приличную женщину – без промедления сделай ее счастливой! Попахивало, конечно, жириновщиной. Но ведь знал, чем брать, шельмец! Предложение руки и сердца, даже сделанное самым абсурдным образом, заставляет внимательнее присмотреться к мужчине. И вроде как простить ему некоторые странности. Добра человек желает как-никак.

На выставку оружия я пришла истерзанной сомнениями. А Вампир Аркадьевич – в монгольской шапке со стразами. Бывает и такое. Он предупредительно взял меня под руку, наглядно демонстрируя поддержку и участие. Мне же, каюсь, хотелось сделать вид, что мы незнакомы. Но крепка вампирская ручонка! Вырваться было нереально, тем более что мой спутник столь участливо справлялся о моем душевно-телесном континууме. Опять умничал! Я тем не менее решила

держат марку и, глазом не моргнув, ответила, что континуум мой нынче претерпевает незначительные флуктуации, а так – со средним нулевым значением. Бессмыслица, как мантра, может подействовать успокаивающе на детскую психику. А Вампир Аркадьевич – сущий инфантил, раз носит такие шапки. Итак, от нарастающего чувства абсурда было не скрыться. Я с тоской огляделась вокруг. Не то чтобы я противник музеев, но полагаю, что ознакомительные встречи мужчины и женщины, – другими словами, свидания – должны проходить в менее академической обстановке. Возможно, и мой странный спутник в ином антураже заиграл бы выигрышными красками. Человек – он ведь собрание сочинений без оглавления, архив без описи, лазерный диск без обложки. Имеет не одну сторону и множество треков. The best перемежается в нем со второсортной продукцией. И ведь на каком месте нас включают, такими мы и предстаем перед любопытной публикой, и случается, что оставляем долгоиграющее впечатление. Только Создатель наш знает, сколько самых разных мелодий заключено в одной душе. Создатель-то знает, но молчит.

Моя дражайшая сестра, чье досье было подмочено работой внутренним рецензентом в издательстве, – в сущности, цензором, – сказала бы о моих несвоевременных размышлениях: «Реальность пнула мою мечту грязным сапогом в распахнутую грудь». Это цитата из одной прочитанной ею рукописи, одной из сотен. Будучи призванной нещадно отсеивать

девяносто девять процентов текстов, присылаемых в редакцию, сестрица моя одновременно жалела неизвестных писак и с удовольствием смеялась над их перлами. Для чего создала специальную папку на своем рабочем столе, дабы сохранить самые яркие жемчужины стиля для потомков. Вышеприведенная цитата поразила ее не столько экспрессией, сколько наличием нескольких вариантов эпитетов. Предусмотрительный автор решил облегчить работу редактору и в скобках приписал: «Грудь распахнутая, но можно заменить на „доверчивая“, а также „белоснежная“...» А также волосатая или силиконовая! – веселилась редакция. В общем, пассаж породил немало дискуссий среди тружеников издательского дела о том, есть ли вообще у мечты грудь и какого она должна быть размера и качества.

Итак, грязный сапог реальности прошелся и по моим тщедушным грезам. Прервать внутренние монологи меня заставил шум, который доносился со стороны гардероба. Вампир Аркадьевич терпел бедствие! На него напали хищные музейные старушки в вязаных жилетах. Причиной, как выяснилось, послужила его эзотерическая монгольская шапка. Нет, не надо думать, что головной убор подвергся нападкам идеологических противников. Просто моего храброго спутника попросили его снять при входе в культурное заведение. Но ведь это была не просто шапка, а магическая защита, о чем я узнала позже, а пока недальновидно недоумевала. Все произошло слишком быстро, так что анализировать было совер-

шенно некогда. Вампир Аркадьевич, отбросив флер интеллигентности, вдруг почему-то несказанно обозлился на гардеробных жриц и смотрительниц из-за их безобидной просьбы. Казалось бы, просят тебя снять шапку – сними, как и полагается мужчине в помещении. Но, как пытался втолковать непокорный Аркадьевич своим обидчицам, подлинный воин не снимает шлем даже во сне. Тем временем маленькие, но вовсе не беззащитные, словно таксы, женщины музейного типа скапливались вокруг моего строптивного друга. И в этом зрелище было даже нечто мистическое – мудрейшие жрицы собираются ниспровергнуть чуждый культ! Одна из них, особенно распалившаяся от дискуссии, даже попыталась подпрыгнуть и сорвать заветную шапку с головы врага. Вампир Аркадьевич, не рассчитав силу, грубо отпихнул ее от себя, и старушка оказалась поверженной на холодные каменные плиты пола. Это было уже опасно, так как любое падение для пожилого человека может иметь крайне нежелательные последствия. Но и превышение необходимых мер обороны со стороны моего приятеля я тоже могла понять: налетели все на одного! Я поняла, что пора бы мне и вмешаться, но в этот момент я увидела страшное: на нас надвигались уже не старушки, а весьма решительный, невесть откуда взявшийся старичок с... саблей! «Осетинское оружие!» – всплыла в моей голове тема выставки. Если оно пойдет в ход, то шутки кончились и надо уносить ноги. Ну и времена вкупе со нравами – даже в музее не чувствуешь себя в безопасности...

Словом, в горячке я решила, что жизнь Вампира Аркадьевича возможно спасти только ценой оставленного трофея. И в результате что я делаю? Я прорываюсь сквозь толпу нападающих, срываю с Вампира Аркадьевича монгольскую шапку и... совершенно неожиданно для себя нахлобучиваю ее на одну из самых активных бабушек. Своего воина уже без шлема я со взывавшей во мне богатырской силой выпихиваю прочь из музея. Последняя картинка этой потасовки, врезавшаяся в мою память, – смотрительница музея в роли последней супруги Чингисхана. Нечаянный трофей ей на диво пришелся к лицу...

Самсон из древнегреческих мифов вместе с волосами потерял свою легендарную силу. В арсенале Вампира Аркадьевича вряд ли были сверхъестественные способности. Но это не значило, что ему было нечего терять! Лишившись шапки, он сначала утратил дар речи, долго задыхался, а потом простонал: «Зачем?!» Так коротко и горько он выразил свое недоумение моему нелепому вмешательству в соревнование двух систем, как выражались в былые времена газетные передовицы. Я и сама уже пожалела о своей внезапной эквилибристике. Благие намерения привели меня в крайне неловкое положение. Оказалось, что монгольская шапка была подарком старого друга, заядлого путешественника, и много лет служила источником душевного равновесия, – в сущности, та же Самсонова грива, – пока не появилась я в роли коварной Далилы. Теперь дни нашего дорогого Вампи-

ра сочтены. Раскаяние мое было бездонным, хотя я не могла не задать мучившего меня вопроса о том, всегда ли экстравагантный головной убор столь неизбежно украшал голову борца с музейными ретроградами. Проще говоря: неужели за много лет никто никогда не попросил Аркадьевича снять эту идиотскую шапку в присутственном месте?

– Никогда! – одновременно мстительно и растерянно ответил мой кавалер.

У меня, конечно, еще оставались вопросы, но о них не могло быть и речи. Например, мне хотелось понять, зачем натурально монгольскую шапку, чуть ли не снятую с головы древнего кочевника, украшать пошлыми стразами? Или это часть магического декора, который и наделил головной убор той самой волшебной силой... Ответ знал только удрученный потерей Вампир Аркадьевич. Впрочем, удручался он подозрительно недолго, вдруг махнул рукой на неурядицы, вознамерившись подкрепиться. Тут начались мытарства почище музейных. Сначала мой спутник забраковал все встретившиеся нам кафе за взвинченные цены и никудышное меню. Я попыталась исправить положение, улегшись не волосатой и не силиконовой, но временно феминистической грудью на амбразуру и заявила: «Я угощаю!» Должна же я была компенсировать нанесенный морально-материальный ущерб! Вампир Аркадьевич отнесся к предложению с веселым интересом. Но позже я поняла, что некоторым людям важнее не исполнить намерение, а убедиться, что без их чут-

кого руководства все пойдет не так. И все послушно пошло не так, потому что я не умею экономить. Тем более если хочю кого-то утешить. И ведь что интересно: моя расточительность огорчила не меня, а того, кто был ее объектом. Аркадьевич, оказывается, был жаден не только на свои, но и на чужие деньги. Его раздражали большие траты вообще, а не только опустошающие его кошелек. Он был вселенски скуп и с ненавистью смотрел, как за одним соседним столиком поедают фондю, а за другим откупоривают шампанское...

Это было восьмое по счету заведение, и далеко не самое дешевое. Но так всегда бывает с общепитом: привереды кушают втридорога. Надо было соглашаться на дешевый комплексный обед в кафе «Уют», но там Вампира Аркадьевича возмутило, что солянку готовят без каперсов... И действительно, какая может быть солянка без каперсов!

Он вроде клинически вменяем, рассуждала я, следуя за своим изнурительным спутником. И мало ли я на своем веку повидала вредных мужчин, от которых окружающий мир скисал, как компот от гнилой ягодки. И все не устаю им удивиться, однако. День закончился не менее обескураживающе, чем начался. Вампир Аркадьевич, устав карабкаться по переулкам в поисках кулинарных канонов, поскользнулся и упал. Его страданиям не было предела, пока его телефон не разразился спасительным звонком друга. «Нас приглашают посмотреть на коллекцию кактусов», – с назидательным упреком промолвил мой кавалер, словно укоряя меня за что-

то. Наверное, он ждал от меня подобного приглашения, а я не проявила себя достойным массовиком-затейником. Подумаешь, угостила блюдами сомнительного качества! А как же святой принцип лучшего подарка, что сделан своими руками... Тут сразу всплыли в памяти все мои не испеченные пироги и пока не рожденные дети. На душе совсем потемнело. Но я пока держалась, не желая уходить в банальное недовольство первым свиданием, – пусть даже и свиданием происходящее назвать было сложно.

Я напрягла все силы, чтобы разделить святое мужское увлечение кактусами. Говорят, оно попадает в пятерку самых популярных, вместе с футболом и рыбалкой, хотя и не афишируется с той же полнотой. Быть может, кактусы, колочие, но вместе с тем трогательные и загадочные растения, раскроют загадку неуспокоенной мужской души? Но как только я услышала, куда нужно отправиться за этой загадкой... Я, конечно, понимаю, что за Святым Граалем и не в такие места отправлялись, хотя и имею о тех исканиях смутное представление, но в сгустившихся сумерках дрейфовать в сторону станции с пессимистическим названием Сортировочная я была не готова. И мой непростой попутчик с увечьем неизвестной степени тяжести, похоже, мне этого не простил. Извинялась я горячо и долго, мечтая поскорее попасть домой. Особенно вспомнив о любимом детективе по телику, засмотренном до дыр, но при этом все еще милым сердцу. Да, вот она, вся тривиальность женской души, и ни-

каких тебе тайн и кактусов! В общем, я спешно удалилась, полагая, что тема моего знакомства с вампирами закрыта. Но если бы от вампиров было бы так просто избавиться, мир не узнал бы массу захватывающих кровавых сюжетов.

Он, конечно, еще долго звонил мне, мой неловкий рыцарь в нелепом головном уборе. Друг с кактусами презентовал ему резную дубовую трость, дабы смягчить временную хромоту. И ведь подумать страшно, какой тут может случиться сюжет а-ля «Ночь в музее», если вспомнить о переполохе с монгольской шапкой! Хотя на расстоянии Вампир Аркадьевич вспоминался даже симпатичным, и не беда, что немного утомительным. Ну... это если он не звонил раз пятьдесят на дню с критикой моего сидячего образа жизни. Я ведь работаю дома, расписываю шелковые платки и пытаюсь создать что-то по-возрожденчески захватывающее и новаторское. В общем, как говорил мой бывший муж, чтобы не остаться на всю жизнь кустарем-одиночкой, а хотя бы дотянуть до мелкого лавочника, надо каждый день экспериментировать. Вот я и экспериментирую. И доселе полагала, что так и надо, пока в мой рабочий процесс не начал активно вмешиваться этот бесцеремонный и вздорный эрудит с советами и поправками. О, избегайте людей с энциклопедическим образованием, они знают все и ничего! Я не последовала этому правилу лишь потому, что зыбкое чувство вины за неразделенное путешествие на Сортировку поколебало мой обычный полноценный отпор. Я даже собралась на выстав-

ку каллиграфии, – естественно, в компании с главным консультантом по осетинскому оружию, восточным искусствам, а также единоборствам и заодно по сектору Газа, чего уж мелочиться. Не скрою, я опасалась предстоящего культпохода. Но случай уберег меня от него, точнее, не случай, а примитивное самолюбие. Накануне мероприятия мой спутник, по своему обыкновению, названивал мне без устали, и домашние только знай поднимали бровь, но почему-то не протестовали. Понятное дело – решили не мешать моим налаживающимся сердечным делам. Как порой ошибочна и ущербна житейская логика! Когда эти самые сердечные дела надо в корне пресечь, пулеметы молчат, а когда, напротив, то... да что там поминать старое, тема-то вечная! В итоге я спаслась сама.

Все просто: мой дорогой Вампир известил, что хочет сделать мне неожиданный презент, но не знает, какой лучше. И потому без всяких церемоний решил со мной посоветоваться. По его мнению, это правильный и практичный подход. Я поддакнула, но вот предоставленный выбор привел меня в бешенство. Вампир Аркадьевич решил осчастливить меня... растаманским беретом, «который, впрочем, слишком молодежный и вам не по возрасту» или шелковыми персидскими тапочками, «которые, похоже, слишком маленькие и вам не по размеру».

– ...Просто подумал, что вам, как художнице, надо преподносить стильные штуковины, – уже смущенно закончил

мой благодетель.

– Как художнице... видимо, старой и большеногой художнице! – не вынесла я размерно-возрастной дисквалификации. – Этакой Тулуз-Лотрекше, только без таланта первоисточника. В моих способностях вы тоже успели усомниться, как я помню из наших разговоров. И я не знаю, как насчет стильности ваших подарков, но что касается экономии, то вы на высоте. Наверное, беретом и тапками вас снабдил тот же кропотливый краевед-галантерейщик, который расшил стразами незабвенную монгольскую шапку. Не сомневаюсь, что скоро он станцует для вас, бряцая деревянными яйцами Фаберже.

Сама от себя не ожидала столь гневной отповеди. Но, как правило, если я делаю нечто, чего сама от себя не ожидаю, выясняется, что я права.

Глава 3

Жизнеутверждающая жвачка

– Больше не надо знакомить меня с мужчинами, которые неровно дышат к кактусам, а также к странным головным уборам и резным тростям, – заявила я Пеларгонии, когда она позвонила проведать меня.

– А... обожглась, – с едкой ухмылкой отозвалась старая интриганка. – Кто ж тебя просил продолжать знакомство с нашим чудачком, тем более давать ему свой домашний телефон?

– Еще скажи, что ты без тайного своднического мотива призвала Вампира Аркадьевича провожать меня! – возмутилась я таким вероломством.

– Неужели ты полагаешь, что я буду сводить тебя с человеком, которого сама называю вампиром?! Я пригласила его, чтобы он проводил тебя до метро и не более. Ну что у тебя за ход мыслей, Ника! Просто ужас, куда катится моя репутация. И это так несправедливо... – всхлипнула Пеларгония.

– Тетя, хватит лицемерить. Вы даже не скрывали своего

злорадства в голосе...

– Кукла моя, это не злорадство, это просто мой богатый жизненный опыт, который порой выглядит как мизантропия. Ну хорошо, признаю, это была небольшая проверка, и она подтвердила некоторые подозрения по твоему поводу.

– Какие еще подозрения?!

– Приходи ко мне, узнаешь. Некоторые вещи невозможно объяснить по телефону.

И я пошла, хоть и с легким презрением к своему лихорадочному любопытству. Однако я была так уязвима после эскапад человека, что первый за год после моего развода сделал мне предложение. Слабость прощительна. Более того, стремление прояснить, что за вредительские подозрения у Пели Антоновны насчет меня, заставило преодолеть страх. Ведь я могла нечаянно столкнуться на лестнице с Вампиром Аркадьевичем! Но столкнулась я совсем с другим персонажем. В сумерках я заметила, что у Пелиного подъезда копошится примечательный субъект. Он умудрялся даже в тусклом свете фонаря излучать бодрость и жизнерадостность, хоть и вид имел довольно бомжеватый. Грязная, с черными пятнами косматая дубленка а-ля «рыбак 70-х», кроличья шапка, которую наверняка подбрасывали еще в честь полета Гагарина в космос, и широкое щербатое дно улыбки, обрамленное щетиной. Но глаза – глаза были благородны и глубоки, как у младенца «Сикстинской мадонны».

Итак, пугающе трогательный господин гостеприимно рас-

пахнул передо мной дверь подъезда и столь же радушно пригласил меня в лифт. Мое доверие к незнакомым мужчинам, даже гостеприимным, было близко к нулевой отметке, поэтому я вежливо отказалась от лифта и взгромоздилась на пятый этаж пешком. И там меня ждал конфуз в духе сказки о черепахе и зайце. Запыхавшись, я обнаружила у квартиры Пеларгонии все того же улыбающегося субъекта, который весело высказал недоумение моим отказом от услуг цивилизации. Но это еще цветочки, потому что через секунду он уже трезвонил в дверь моей тетушки, а она его спокойно впускала к себе. Вот не ожидала, что Пеля не чужда порочных связей! Впрочем, было бы неправдой сказать, что Пеларгония впускала гостя спокойно. Кем бы он ни был, у нее явно накопились к нему претензии. Признаком этого был появившийся в ее выговоре акцент. Он всегда был признаком тетиного волнения или недовольства. Это был сложноопределимый акцент, акцент как таковой, как мы его называли, – ведь происхождение тети – тайна нашего рода. И как будто бы вовсе она не с Кавказа, просто там ей было хорошо, и она вспоминает о нем с нежной слезой...

Сейчас же ей было не до ностальгий.

– Мераб, я ждала вас весь день! – рокотала она на весь подъезд. – И только не надо мне жаловаться на занятость, оставьте эти песни для ваших воздыхательниц из ЖЭКа. Не так уж часто я вас беспокою. С вашей безалаберностью скоро наступит новый Всемирный потоп. У меня третий день

течет кран, а подо мной живет соседка, настоящая змея. Она скоро мне предъявит огромный счет, и кто будет платить? Вы же знаете, раньше мне все чинил сын, но теперь, когда он так далеко... Господи, неужели нельзя было прислать вашего нового мальчика-таджика, он мне так хорошо в прошлый раз починил унитаз?! Зачем вы сами-то явились?

– Соскучился, – последовал по-армейски краткий и обезоруживающий ответ.

Тетя негодовала. Я нерешительно вошла в прихожую, понимая, что баталия с Мерабом надолго. Так вот он какой, северный олень, о котором много лет наслышаны родные и друзья Пеларгонии. Непокоренный прораб Мераб. Когда-то тетя была старшей по подъезду. Занятие ей по темпераменту подходящее. Пеля находилась в вечной войне с жилконторой, и в эпицентре борьбы находился этот самый Мераб. Роль его, как всякого достойного противника, была неоднозначной. Конечно, чаще всего Пеларгония поносила его на чем свет стоит, но спустя пару дней могла вдруг с жаром воспеть его золотые руки.

– Блеск и нищета великого Мераба! – не преминула я хотнуть, когда золотые руки свершили свое дело, а псевдозолотые зубы улыгнулись на прощание, и все это великолепие в чумазой обертке удалилось. – Мы, преданные родственники, всегда полагали, что прораб вашей жизни, тетя, – это респектабельный начальник с барскими замашками. А оказалось, он обаятельный оптимистичный клошар. И это притом,

что столько лет сидит на теплом хлебном местечке!

– Не бреди душу, Ника, – глухо проворчала Пеларгония. – Спивается старая гвардия. Знал он лучшие времена, здесь ты права. Жена от него ушла, теперь он неухоженный, одинокий... – проявила тетя благородную милость к падшим.

– Так его нужно женить на мне! Подсуетились бы, тетя, убили бы двух зайцев. Такой альянс плывет вам в руки и просятся на брачную страничку в самую «Нью-Йорк таймс».

– Все шутишь над старой Ханумой, – зловеще усмехнулась Пеларгония. – А меж тем твоя тактика тоже не выдерживает никакой критики. Жалоба мне на тебя поступила. – И в глазах Пели Антоновны заплясали победные мстительные блики.

Вестимо, откуда жалоба. Вампир Аркадьевич мутит воду. Переживает и кается, что сказал что-то не то, но ведь не со зла. Обидел нечаянно, ненамеренно, и теперь мучается от раскаяния. Но Пеларгония выразилась очень точно: его раскаяние – оно всегда стремительно оборачивается жалобой, а потом и жесткой претензией. Мол, что я такого сказал?! Мол, все это женские капризы... О моих давешних капризах теперь узнала тетя Пеля. Ее сосед, коего она полагала безобидной службой эскорта в местных масштабах, никак не ожидал, что его слова могут быть истолкованы в призме примитивных женских обидок про возраст и размер. Не поленился свет Аркадьевич – на то и Вампир – все подробно

изложить: про сорванную экскурсию, про молодежный берет и маленькие изящные тапочки. Итог и вывод: изучайте мужскую психологию, в конце концов! Он, мужчина немолодой, бессознательно хотел меня состарить и утяжелить. Ведь молодая, легкая и шикарная барышня ни за что не согласится иметь дело со старым небогатым пеньком. То есть... он хотел меня искусственно состарить! Вот как едко пошутила жизнь надо мной.

– Тетя, ликуй, ты преподала мне великий урок. Больше не буду ускорять реку времени, – пообещала я, поискав глазами на столе что-нибудь вкусненькое. – Однако это извращение – желать состарить женщину.

– Еще не те извращения бывают, – ворчливо отозвалась тетя. – И кто тебя вообще просил входить с ним в такой тесный контакт и слушать его бредни?! Мне даже в голову не пришло, что ты будешь с ним шастать по выставкам. Я ж тебе сказала, что он – вампир, неужели этого предупреждения мало? А ты часами с ним говорила по телефону. Да это ж язву можно заработать!

– Но ты-то с ним как-то общаешься, тетя. Впускаешь в дом, можно сказать, нечистую силу.

– Нет, не пускаю. Он только провожает моих гостей. А в остальном я давно поставила его в рамки. У него лимит разговора – две минуты, и он об этом прекрасно знает. За две минуты вполне можно изъясниться по делу.

– И ты коварно не предупредила меня о правиле двух ми-

нут, – упрекнула я Пеларгонию, которая, вздохнув, начала метать на стол угощения из заветного буфета. Знала, мудрая фея, чем можно залакировать любые недоразумения.

Я с легким садизмом продолжила укоряющую речь о том, что наверняка тетины подруги хоть разок жаловались ей на обходительного поначалу, а впоследствии болтливую и вздорную Вампира. И как же она могла после этого...

– Нет! – вскричала Пеля с астматичным присвистом. – Никто никогда не жаловался, клянусь тебе! Впрочем, кукла моя, я упустила тот момент, что все мои подруги уже не в той поре, чтобы заинтересовать вампира. Молодежь ко мне давно не ходит, а зря! Опыт мой бесценный, как я вижу, не устарел. Взять хотя бы вас, моя прекрасная леди. Честно говоря, я подозревала, что такие умницы-красавицы, как ни странно, могут плохо о себе думать. Настолько плохо, чтобы принять нашего Аркадьевича за возможный объект желания и интереса.

– Ты намекаешь на мою низкую самооценку? – буркнула я, нервно набивая рот абрикосовым рулетом.

– Не намекаю, а говорю прямо. Знаешь, это все из-за женских компаний. В них я и сама порастеряла остатки своей, как ты выражаешься, самооценки. Свои вспушенные перышки... Эх, Ника, беги от женщин, они расскажут тебе, что шансов у тебя нет. Они утопят тебя в болоте безнадеги по части хорошей партии и счастливого брака. А это не более чем инстинкт самки по уничтожению соперниц. Да, можно

наматывать на кулак сопли о высокой конкуренции, о том, что достойные мужчины перевелись, а если и встречается редкая птица, то ему подавай ноги от ушей двадцатилетней выдержки – и никак не старше. Вздор! – И выговор тетушки снова угрожающе окрасился знаменитым акцентом. – Одна моя приятельница познакомилась с будущим мужем, когда ей было под пятьдесят, а дыра от переднего зуба была заклеена жвачкой.

– Тетя, мы об этом уже говорили, – деликатно напомнила я.

– Я тебе рассказывала о жвачке?

– Нет, о вреде женских компаний. Вот честное слово, с тех пор я не была ни в одной женской компании! А теперь можно я выйду за дверь и удовлетворю вредную привычку? Не вздумай настучать маме!

– Ты куришь?!

– Буквально одну сигарету в месяц. Да ее и сигаретой не назовешь, ею в ухе можно ковырять. Вон, смотри, какая тоненькая.

Пеля, конечно, разразилась ворчаньем по поводу очередной никотиновой иллюзии. Она была права, но мне требовалась пауза. Я вдруг ощутила прилив тоски, словно смотрела на экран с выключенным звуком, а там оседал в руинах домик моей мечты. Внезапная хроника давнишнего землетрясения, возникшая из глубин подсознания, основательно меня подкосила. И поводом тому стала злосчастная дыра от зу-

ба! Увы, такой уж у меня характер: пустяковая деталь может вызвать приступ отчаяния. Казалось бы, почему не порадоваться чьему-то счастливому витку судьбы, но нет! Ход моих мыслей стремительно приводил меня к выводу, что, раз такой сюжет уже был, мне он не достанется. Бесплезно латать черные дыры жвачками, Господь не повторяется в таких импровизациях.

Стоит ли пояснять, что мне тоже было что заклеивать! Сразу вспомнился прораб Мераб, который являл свою щербатость миру с обаятельной мажорной бравадой. Могла ли я следовать его примеру? Вряд ли. Разве что отстрелить ту часть мозга, что отвечает за рефлексии и социальные условности. Я ведь не отношусь к тому разряду счастливчиков, у которых эта область атрофирована врожденно.

Похоже, наша полоумная Пеларгония права. Женские компании основательно навредили моей победительной уверенности в себе. Раньше мне и в голову не приходило сомневаться в том, что, если надо, я выйду замуж и пять, и семь раз, и даже тринадцать, как мне нагадала одна моя знакомая учительница географии, искренне полагавшая, что «Великобритания» по-английски будет «Великобритейшн». Не исключено, что и географию она знала столь же причудливо, как и английский язык, но гадала отменно. Словом, я вообще не понимала, почему столько шума из-за этого чудовищного свадебного савана, лживых поцелуев на публику и снайперской приметы насчет букета невесты. Лично я вы-

ходила замуж без всех этих утомительных и дорогостоящих глупостей, надев ностальгические синие ботинки моего старого приятеля и замотавшись в разноцветный палантин собственной росписи. Это была веселая реконкиста для всей нашей компании.

А после развода весь фарт улетучился. Подозреваю, что его сглазили те самые вредительские увещевания подруг. Дескать, хорошо подумай, прежде чем совершать чудовищный шаг в пропасть одиночества. Следующего раза может и не быть! Но почему? Да потому что. Тогда меня было не сбить никакими страшилками, я даже не сомневалась в своей замужеспособности. А ведь везение суть отсутствие невезения, отрицательного опыта, девственная вера в выбранный путь. Я не сильна в философии, но, когда утрачиваешь легкость движения, поневоле начинаешь копать в моторе. А это только начни... Помнится, такой же страшный опыт был пережит мной, когда мой компьютер впервые нахватался вирусов, и пришлось просто-таки попасть в зависимость от знакомого умельца, выпускника физтеха. Я мучила его вопросом, почему же раньше, когда я понятия не имела об этой жуткой виртуальной заразе, я жила себе преспокойно и лазила по Интернету, куда хотела. На это был мне простой ответ: «Ибо до поры до времени все мы не ведаем, что творим. Но *когда-нибудь* и *где-нибудь* с нами непременно *что-нибудь* происходит. Закон Мерфи». Вот и с любовью такой же Мерфи. Живешь-живешь с нею, а потом тебя атакует вирус судь-

бы, и ты уже сброшен с райского гамака безмятежности.

И уже не сможешь не думать про зубы, персидские тапки, про тридцать лет, пироги и про детей! На этой панической ноте соседская дверь на площадке отворилась и из нее с шумом вышла нетрезвая мужская компания. Я по нелепой кроличьей привычке хотела тут же улизнуть к тете, тем более что на нервах закуривала уже третью «ковырялку для ушей». Но было поздно. Меня заметили и окружили назойливым приглашением на праздник жизни. В другой раз я бы искрометно отшутилась, но в свете последних событий решила: была не была, кутну коротенько, минут на сорок, как говорится. Раз тебе не нравятся, дорогая Пеларгония, женские компании, я пойду в мужские!

Глава 4

О риске, подстерегающем добрую женщину, которая любит детей и стариков

Для освежающей неосмотрительности я придумала себе оправдания. Во-первых, если предлагают выпить за здоровье именинника, то отказывать нельзя. Во-вторых, племянница Пеларгонии в этом доме – лицо с дипломатической неприкосновенностью, как не преминули сообщить новые знакомцы. Кто ж не знает нашу дражайшую предводительницу! – и все такое. Много мужчин, наперебой предлагающих угощения и остроты, – неплохая программа на вечер. Хандра улетучилась, значит, я на правильном пути! Шампанское мягко усыпляло мою бдительность, и не возникло даже вопроса, отчего здесь, не в самом заповедном месте на Земле, скопилось столько дефицитных особей мужского пола. Интерьер в «заповеднике» был спартанским, зато стол ломился от термоядерных мясных закусок. Хотя «стол» громко сказано – журнальный столик посреди комнаты. Мне благородно

уступили место в единственном кресле и единственную бутылку «Асти Мартини». Королевский подарок... Хозяином и виновником торжества был громогласный живчик с ранним брюшком и бакенбардами. Такие обычно сильно потеют. «Не мой тип», – отметила я мельком, но не придавала значения первому впечатлению. Сколько раз именно те, кого я с ходу списывала со счетов, искусно мстили мне за скоропалительность. И первая любовь, и бывший муж... да что там вспоминать!

А вот мой тип оставался до сей поры недостижимым. Я называла его условно «английским» – он был замешан на героях тягучей и густой, как благородный портвейн, литературы манящей Великобритейшн. Что же до внешности представителей этого типа, то она неяркая и лаконичная, хранящая внутреннюю мощь. С такими мужчинами у меня ни одной мало-мальски интересной истории, кроме безответной влюбленности в тренера по плаванию. Впрочем, я ходила в секцию всего два месяца, а потом заболела ветрянкой. Оправившись, я обнаружила, что времена меняются, и тренеры меняются вместе с ними. Тот, кто грел мне душу, исчез. Уплыл в нейтральные воды стоическим стилем баттерфляй. Молчаливый, бесстрашный и нежный.

Да, на заре пубертата я постаралась щедро наделить малознакомого мне человека всеми мыслимыми достоинствами. Здесь же, на случайном дне рождения, я вновь повстречалась с одним из вариантов моей англоманской мечты. Хью

Грант с примесью Энтони Хопкинса. Но с очень небольшой примесью. Он был, конечно, гостем, а это значило, что вероятность нашей повторной встречи равна нулю. Не верилось, что он добропорядочный семьянин, но все же он вполне мог им быть, а потому лучше сразу выкинуть его из головы. Впрочем, именинник с зычным фельдфебельским тембром сделал все, чтобы отвадить от меня своих друзей, и Хью Гранта в том числе. Кому не знакомы такие маневры в компаниях: один из мальчиков берет на себя обязанность старшего брата и пресекает шуры-муры. Порой цель у него весьма благородная – например, уберечь какую-нибудь барышню от чар местечкового донжуана. Но мотивация моего нынешнего «покровителя» была мне не совсем ясна. Разве что он созвал к себе на праздник маньяков...

Вскоре все прояснилось: бедняга просто боялся гнева Пеларгонии, блюдущей мораль великовозрастной племянницы. Право же, как будто я несовершеннолетняя! Моя тетка, даже отойдя от дел, остается истинно старшей по подъезду, ей нужно присвоить это звание навсегда, как герою войны. На какое-то время меня этот факт даже развеселил. Но, так или иначе, мелочная опека привела к тому, что вечеринка быстро потеряла для меня всякий смысл. Ладно бы табу на приближение ко мне ближе, чем на метр, касалось всех, кроме «англичанина», но такая избирательность в тактике Больших братьев невозможна. Они очень хорошо превосхищают искру симпатии и пресекают саму возможность

флирта. Мне осталось внимать краснолицему самоуверенному господину, смачно хрустящему солеными огурчиками и активно навязывающему мне ломтик молочного поросенка. Другой фигурант, весьма надменный, назвался композитором и презрительно фыркнул, когда я попросила сделать радио громче. Там играла моя любимая группа, но непризнанные композиторы не любят удачливых конкурентов. Я имела неосторожность намекнуть на это обстоятельство, из-за чего чуть было не разразился скандал. Хозяин дома встал горой за своего кореша, уверяя, что он самый что ни на есть удачливый композитор, знатный профессионал, и приложил руку к таким известным творениям, как... далее пошло перечисление. Не дожидаясь момента, когда выяснится, что спесивый рокер дает уроки самому Элтону Джону, я поспешила распрощаться. С меня хватит. Эти песни мне знакомы. Недаром известный афоризм гласит: хочешь испортить вечеринку – пригласи на нее гения. «Англичанин» проводил меня грустной улыбкой. Он, слава богу, не принимал участия в дебатах.

Пеларгония встретила меня пасьянсом. Не повернув даже головы в мою сторону, она процедила:

– Сколько можно дымить! Тебя не было целый час.

Что-то в ее голосе заставило меня насторожиться. Впечатление было такое, что она, как кукловод, все про меня знает. В том числе и где я сейчас была. И это ее извечное «кукла моя»... Неужели я настолько предсказуемое и ведомое суще-

ство?! Сейчас я опровергну все ее нежизнеспособные теории о браке и семье.

– Знаешь, дорогая Пеля, я поняла, что все твои соображения об отношениях полов грешат неправильными обобщениями. И потому не работают. Во всяком случае, со мной. Женские компании, не женские... вот я сейчас побывала в мужской компании. И ничего! Встречу, которая повлияет на всю жизнь, невозможно запрограммировать или магически притянуть, предварительно изнузив себя позитивными установками. Ах, все вокруг клеветует на действительность, а я возьму и покажу всем высший пилотаж. Потому что я верю, что все получится, хоть я и беззубая восьмидесятилетняя старуха! Знаю я тех, кто увлекается подобными тренингами. Посещают их годами, молодятся и бодрятся, а воз и ныне там. Я их спрашиваю: может, следует сменить тактику? А они мне в ответ: нет-нет, все вот-вот произойдет, просто надо «завершить гештальт». Это у них слово такое заветное. Не спрашивай меня, что это такое, лучше я тебе дам книжку, сама прочитаешь. Да, и я попадала в их сети, но только до групповой терапии у меня дело не дошло. Скептицизм помешал. Я полистала агитки и убедилась, что мне никогда не закончить этот их гештальт. Потому что за одним гештальтом начинается новый гештальт, и нет им конца-края. Потому что сама жизнь – это гештальт, и я вовсе не тороплюсь его заканчивать! Впрочем, зачем я забиваю тебе голову терминами, которых сама не объясняю.

– Представь себе, я имею представление, о чем ты говоришь. Кто-то мне этой шелухой уже пытался забивать голову. Но, кукла моя, при чем же тут мои неправильные обобщения, как ты изволила выразиться?

– Притом, что я сейчас увидела целое сборище мужчин и поняла, что количество не всегда переходит в качество. Решила поверить тебе, когда ты говорила, что мужчин полно. Их и правда полно. Но принцип, как в анекдоте про старого и молодого быка, не работает. «Не суетись, сейчас спустимся и оприходуем все стадо» – помнишь?

– Милая моя, я никогда не предлагала тебе манипулировать стадами, – хохотнула Пеларгония, по-прежнему не отвлекаясь от пасьянса. – Я же не пастух, право слово. А насчет той компании, в которой ты побывала, я тебе объясню. Я ж слышала краем уха, куда ты намылилась. Неправильной дорогой идете, товарищи! Это ж Генка с четвертого этажа. Закоренелый холостяк. И друзья ему под стать. Типичный неликвид по части брака. Хотя на первый взгляд приличные парни.

– Между прочим, этот Генка тебя побаивается. Даже отвалил от меня всех своих холостяков, чтобы не пострадала честь племянницы Пеларгонии!

– Я тебя умоляю! – усмехнулась тетя. – Он не за твою честь беспокоился, а оберегал своих дружков. Чтобы, не дай бог, не поймали их в брачные сети. Так делают все холостяки, когда им уже за сорок. А иначе кто останется играть в их

песочнице? Другими словами, кто будет выпивать с ними за гладильной доской перед телевизором?

– За гладильной доской? Там нет никакой доски!

– Значит, убрал перед днем рождения. Обычно он по вечерам за нею трапезничает и смотрит криминальные сериалы. Скажу тебе, что Гена душевный парень. Не ленивый, отзывчивый. Помогал мне передвигать мой любимый ореховый буфет, еще кое-что по силовой части. Но это вечный мальчик. Если ему и нужна семья, то только для того, чтобы занять в ней место ребенка. Явление не редкое, но уникальность Гены в том, что он осознал свою инфантильность и смирился. И не морочит голову женщинам. Живет, как живет.

– И не грустно ему одному, что ли?

– Когда грустно, он зовет своих друзей-охламонов на трехдневную попойку или едет на рыбалку. Великий дар имеет гуляющий сам по себе. Мало кому удастся.

– А естественные потребности, пардон?

– Находит приключения, когда надо. Ника, я свечку над ним не держу. Представь, что у человека сбой в программе взросления. И ему, как в одном советском стихотворении, никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать. Ему не грустно! Разве подростку грустно без жены?! Нет, пожалуйста, можно с ним сойтись. Будешь хоть на свежем воздухе бывать – он не то что нынешние компьютерные игроманы, по выходным может и на лыжах поехать кататься.

Плов умеет делать не хуже, чем я. Прекрасный вариант для паузы между мужьями. Но не более.

– Тетя, ты говоришь о человеке как о курсе оздоровительных процедур.

– И заметь, не самое плохое сравнение! Большинство мужей в обозримом мною пространстве – сплошной удар по женскому организму.

Однако мне-то понравился не «оздоровительный» Гена, а его «англоподобный» приятель. Пеларгония только отмахнулась. Мол, оставь пустые надежды. Ей-то что: к ней на днях должен был приехать настоящий англичанин. Сын тети Пели, мой неугомонный кузен, проживавший в Англии, заслал ей на побывку своего коллегу. Пеля Антоновна любила гостей, но данная перспектива вызывала у нее тревогу. Не то чтобы она была против англичан, тем более что ожидаемый господин происходил из России и не забыл родной язык. Но на Пеларгонию возлагалась не только гостеприимная, но и просветительская миссия.

– Мой сынище забыл, что его мать – старая больная черепаха. Он предлагает мне скакать по музеям и театрам, сопровождая его резвого приятеля. Я ничего не имею против, но буду ли я в состоянии? У меня давление и суставы! И захочет ли мальчишка погружаться в нашу культуру в компании со старой перечницей? Вопросов масса.

«Мальчишка» был моего возраста. И я была уверена, что Пеларгония вопьется в него сводническими коготками. Вот

теперь такая перспектива меня даже согрела. Но никаких намеков на нее не последовало. Вместо этого тетка деловито спросила, есть ли у меня на примете мастер, реставрирующий старинные фотографии. У меня был на примете такой мастер, и, увы, он являлся моим бывшим мужем. Он фанатично любил свое фотографическое ремесло, а признаться, недооценивала его значимость. Муж говорил: «Подумай только, я хочу сделать серию, которая запечатлеет моменты счастья. Просто разных людей в состоянии пика блаженства!» Я говорила, что идея красивая, но трудноисполнимая. К сожалению, он начал с меня, пытаясь запечатлеть мою скромную персону в экстремуме эйфории. В результате счастье омрачалось невольным позированием и спорами. Потому что он думал, что у меня счастье, а я всего лишь наелась персикового желе. Оно имеет свойство поднимать тонус. Еще одно мое обманчивое свойство: близкие часто принимают мою экспрессивную драматургию тела за пограничные состояния. И муж попался в ту же ловушку. Но я-то боролась за то, чтобы правда жизни стала правдой искусства. Дура! Помалкивала бы лучше. Потому что нашлись более стоворчивые персонажи.

Дело прошлое. Я строго спросила у Пеларгонии, зачем ей фотомастер. Она с жаром принялась рассказывать о своем ветшающем архиве, оставшемся от предков, о том, что хочет превратить некоторые старинные снимки в портреты, и даже пообещала, если все выйдет удачно, поведать мне ту самую

тайну рода! Я со скрипом согласилась дать телефон бывшего супруга.

– Только звони сама! Скажи, что ты моя тетья, этого будет достаточно. Меня в процесс не вплетай. И прошу тебя, никаких интриг!

– Какие могут быть интриги, – возмущенно подняла бровь Пеларгония. – Делать мне нечего...

Ей, может, и нечего, хотя теперь, ознакомившись с плотным графиком моей тетушки, я не рискнула бы уличить ее в безделье. Она договаривалась о поставках свежей кабанятины от знакомого охотника, готовясь к встрече с заморским гостем. Она покрывала морилкой, а потом отдавала многодетным соседям свой любимый комод. Она надвязывала рукава к меховому дубленому жилету для своей бедной родственницы-студентки. И конечно, кряхтя и грохоча, ворочала банками со своими шикарными консервами в подкроватных закромах. Надо же было понять, что она отправит ненаглядному сыночку в сырой Йоркшир, а что прибережет к его приезду. Пока Пеларгония в поисках маринованных кабачков взмывала вверх филейными частями, мое самолюбие слегка корчилось от ноющей тревоги. Ведь под моим диваном одна пыль. Смогу ли я хотя бы годам к пятидесяти домовито закатать двадцать банок лечо, помидоров и охотничьих салатов? Нельзя же годами потчевать семейство сезонной отмазкой в виде малосольных огурчиков, которые только и умею делать. И зависит ли счастье человеческое от уме-

ния работать лобзиком или квасить капусту?

Свой внезапный философский дискурс я обрушила на те-тушку, которая на сей раз не спешила с категорическими афоризмами. Я не стала цитировать ей Вампира Аркадьевича с его демографически-кулинарными требованиями к женскому населению. Мелковат источник. Чем крупнее, тем милосерднее. Вот Достоевский ничего не требовал, только подтверждал, что семейная жизнь для женщины есть рабство. Пеларгония с великим соглашалась, но как-то нерешительно:

– Ну что ты меня терзаешь. Процитируй ты мне о женском рабстве в семь утра лет двадцать пять назад – я, расчувствовавшись, горячо расцеловала бы все собрание сочинений Федора Михалыча. Надо собирать ребенка в школу, нестись на работу, варить, жарить, пассеровать, стирать, гладить... терпеть, все терпеть! Я сказала бы тебе: да, рабство! И посильно счастлива та, что переносит это рабство с наименьшими потерями. Лучше всего, если у нее восемь рук, чтобы все успевать, а также умение между делом связать шарфик пальцами ног. Теперь я далека от той милой мирской суеты... и продолжаю суетиться! Я рабыня и в рабстве помру. А вообще для меня классики – как хорошая еда, для каждого свое время суток, – неожиданно закончила Пеларгония. – И вообще, чего-то ты скисла после этих соседских парней. Чем они тебя обидели, признавайся!

– Клянусь, они не виноваты. Просто всколыхнули ощущение

ние того, что никого я не найду. Или все повторится, как с первым мужем. Я неудачница.

Я и вправду вдруг ясно ощутила, что все мои пытливые попытки в ближайшее время ничем хорошим не увенчаются. Наступила холодная пауза. В резонанс с погодой, с поганым ветром, от которого вымерзает душа. А еще я таки ждала от Пеларгонии хотя бы надежды на этого русского йоркширца. А может, девонширца, – мне-то пока без разницы! Но кем бы он ни был, сей незнакомец преобразился в моем сознании в символ всего нездешнего и лучшего. Видимо, хороши для нас те, кто там, где нас нет. А тетушка так и не помянула меня «аглицким» знакомством. Глупо, но мое самолюбие было уязвлено. Пытаясь урезонить противоречивую натуру, я напоминала самой себе, как сопротивлялась теткиному сводничеству. И не без удивления обнаружила, что сама Пеларгония пока палец о палец не ударила ради благой цели «погулять на свадьбе богатой племянницы». Неуклюжие шаги на тернистом пути к счастливому союзу я совершала исключительно по собственной инициативе. Пеля Антонова только распаляла меня разговорами, создавая себе руководящий ореол. Или я сама возвела ее на пьедестал? Или во всем виноваты семейные легенды о напористой доброй фее, которая обеспечивает свою родню жизненными благами на добровольно-принудительной основе? Я запуталась.

– Ника, надеюсь, ты знаешь, что слова «неудачница» не существует?

С этим напутствием я возвращалась домой. Памятуя о том, кто может стать моим провожатым, я поторопилась ретироваться. Только Вампира Аркадьевича не хватало! Пеларгония, конечно, закудахтала про темные дворы, которые одинаково опасны и в семь вечера, и в двенадцать ночи. Пришлось вызывать такси. Но даже вызов такси у Пеларгонии превращается в маленькое шоу. Она потребовала, чтобы водитель поднялся к ней в квартиру, чтобы убедиться в его благонадежности и порядочности. Потом она мучила его страшными историями о маньяках, потом спустилась вниз и записала номер машины. Спрашивается, зачем она заставляла несчастного подниматься к ней? У меня только один вариант ответа: чтобы измученный водитель разговорился со мною во время нашей дороги домой. Я долго извинялась за тетю, а он проявлял благородную терпимость к бдительности старой гвардии. А потом добрый самаритянин вдруг предложил мне... вакансию сиделки!

– Сразу видно, что у вас есть опыт общения с пожилыми людьми. У меня большая проблема с тещей. Она не то чтобы больна. Разве что на голову, – усмехнулся таксист. – Жена не может с ней быть постоянно. Там никакого особого ухода, просто раз в день укольчик внутримышечно, а основная задача – поговорить с бабушкой. Она вроде вашей тети – такая же шепутная. Ее забалтывать надо. Старикам в первую очередь требуется внимание. Выслушать, поговорить, поохать...

– Со мной бы кто поохал! – вырвалось у меня.

Вероятно, я была не готова к жертвенной миссии. Не хватало мне еще одной Пеларгонии, со всеми ее минусами, но без ее плюсов! Я даже забыла поинтересоваться ценой вопроса. Ух, какой же махровой эгоисткой я себя почувствовала... Дети, пироги, а теперь еще и старики – я катастрофически не втискивалась в типаж хранительницы очага. Этот корсет был не для моих размашистых мослов, о чем я не преминула поведать таксисту. Захотелось хоть кому-то покаяться. «Меня даже замуж никто не берет. О какой бабульке может идти речь!»

– Вы правы, барышня, вам скорее дедулька нужен! – развеселился мой доброжелатель. – Шучу, барышня, не обижайтесь. Мне просто смешно вас слушать. Да вам стоит только свистнуть – и очередь из женихов выстроится. Молодая, симпатичная...

– Да таких симпатичных и помоложе толпы ходят! Покажите мне, с какой башни надо свистеть, чтобы увидеть очередь хотя бы из дедулек!

С дедулками я, конечно, погорячилась. Но до чего ж мне надоели безответственные клише про «молодую-симпатичную» и про то, что стоит только... – и выстроится мифическая очередь! Именно лживые упрощения задачи вгоняют меня в ступор. И отпугивают удачу. Проверено на собственном опыте. В итоге я пообещала моему новому знакомому найти такую же порядочную и бестолковую – в отношении

мирских благ – особу. Которая только и мечтает стать сиделкой. Водитель в качестве алаверды заверил, что как только на горизонте появится такой же порядочный – но отнюдь не бестолковый! – мужчина, он тут же меня с ним познакомит. Довольные друг другом, мы расстались, обменявшись бессмысленными телефонами. Поделом тебе, Пеларгония, ты вовсе не единственная поисковая система!

Глава 5

Замуж или в гроб

Нет слова «неудачница». Я целую ночь посвятила этому не вполне грамматическому нюансу. Я и в слово «неудачник» категорически не верю. Но меня страшно огорчало, что для всяких плоскоголовых крючкотворов эта обидная категория в ее мужском варианте вполне себе жизнеспособна. И мы порой идем у них на поводу. Дискриминация, однако. Мне стало жалко мужчин, хотя именно в состоянии жалости я склонна к опасным поступкам. Меня влекло любимое развлечение людей, оказавшихся в нейтральной полосе – ни белой, ни черной. Это развлечение – распутывать клубки старых связей. Звонки не другу, но старому приятелю. Приятелю особого рода, с которым могло бы что-то получиться. Или даже получалось, но птица удачи вдруг саркастически по-вороньи каркнула и истерично захлопала крыльями, испортив наметившуюся идиллию.

Скорее всего, проблема крылась не в птице, а в моей недалёковидности. Я была небрежна и не распознала знаки

судьбы. Не вчиталась в человека, сочла его неудачником! Далее по классическому сюжетному стереотипу должна бы последовать антитеза: а теперь он нефтяной магнат! Нет, не то: у магнатов семейная жизнь на тройку с минусом. Не магнат, а владелец безобидного малого бизнеса типа «эксклюзивные канцелярские товары», и главное – у него прекрасная супруга, трое детей, экологичный деревянный особнячок на берегу озера... Хватит, а то я устану убеждать себя, что мне просто не спится, и я рухну в хандру! Потому что мне не просто не спится, а вспомнился вполне конкретный «неудачник». Даже не хочется считать, сколько лет назад это было. Лет семь, наверное. Я уже была знакома тогда со своим будущим мужем, который теперь бывший. Можно сказать, я сделала выбор в пользу фотографии. А Сергей был художником. Попробовал бы кто среди художников того времени найти «удачников»! Фотографам везло чуть больше.

Тут на меня напал соблазн крамольных молитв. Типа: «Господи, ну пожалуйста, сделай так, что Сергей ныне тоже одинок и не против пересечься со мной». Меня бы согрела даже одна ни к чему не обязывающая встреча. Надо же размочить нулевой счет за прошедший год одиночества! Хотя психологические книги советуют не ставить себя в зависимость от символов и примет. Потому как сие есть позиция жертвы. Ой, да что они понимают в живом процессе истории души!

И меня разморили приятные грезы вперемешку с от-

рывочными воспоминаниями. Сережа научил меня разным тонкостям ремесла, а я тогда не придавала этому большого значения. И зря. Вглядываясь теперь в мое окружение, я более не нахожу бескорыстных учителей. Тем ценнее стало для меня то недолгое знакомство. Сережа помнился долговязым и скуластым астеником. Его азарт спорщика сглаживался меланхоличной иронией. Критический настрой смягчался снисхождением к женскому творчеству. Он был самолюбивым и ранимым, но свои убеждения отстаивал насмерть. Так, собственно, что меня не устраивало?! Просто возмутительная глупость с моей стороны. Наверное, он мне показался талантливым и невезучим. А это сочетание сложно пережить не только самому творцу, но и его близким.

Тем же вечером я ему позвонила. Моя притворность объяснялась тем, что я просто не верила, что старый телефонный номер еще актуален. Меж тем мне ответил знакомый голос. От неожиданности я трубку бросила и еще пару дней готовилась к разговору. Я бы готовилась еще месяц, но испугалась промедления – вдруг именно в эти дни Сережа переедет или сменит номер. По закону подлости и не такое бывает. И я лихорадочно искала повод для звонка, а попутно всплывали сопутствующие истории. Помнится, он рассказывал о своей старой подруге со сложной судьбой, которая после развода мыкалась с ребенком по съемным комнатам, и денег не было совсем, и жить было трудно, и, кажется, она тоже занималась росписью по текстилю и прочими прикладными радостями,

вкупе с матрешками. Однажды, въехав в очередную коммунальную халупу, она сказала: «Все, с меня хватит. Отсюда – только замуж или в гроб!»

И вот теперь я ее понимаю, хотя и не мыкаюсь по углам. Интересно, она выполнила собственный ультиматум? Очень скоро я об этом узнала.

Как это часто бывает после затянувшейся подготовки, я выступила сумбурно и без должного напора. В который раз убеждаюсь: отношения мужчины и женщины целиком во власти импровизации. Никакие домашние заготовки не работают. Действуй либо на моментальном драйве, либо забей на это мероприятие. Я же начала смущаться, путаться в междометиях и самым тоном беседы доказывать, что слово «неудачница» все-таки существует. Несла пургу вроде «... чувствую себя так, будто заклинила кнопка паузы и никак не могу ее отжать». Сергей реагировал на мое уныние с подозрительно бодрой отстраненностью. Типа «да-а, брось, у всех сейчас заклинила кнопка, ты не переживай, будет и на твоей улице пень гореть». Непринужденный, будто вчера расстались. Никакой заминки или хорошо скрываемого трепета.

Как предлагать встречу, если ни одна дверца в волшебных часах не открылась? Я не нашла ничего лучше, как... поинтересоваться приработком. Не могу сказать, что тема не актуальна. Но нельзя мешать деньги с амурными делами. Во всяком случае, при наведении мостов после долгой разлуки. Моветон. Но за неимением лучшего меня понесло на эти га-

леры!

– В моих палантинах и платках даже в Госдуме ходят, – вдохновенно выложила я запасной экзотический аргумент. – Но в последнее время спрос немного упал. Только праздники спасают положение. Наверное, мне снова пора замуж, – силилась я пришучивать над собой, давясь внутренней лихорадкой. – Помнишь, ты рассказывал про одну свою подружку, которая сказала: «Замуж или в гроб»? Так она правильно рассуждала. Задачу надо ставить перед собою жестко.

– Согласен. Она своей цели достигла. И теперь моя жена. Ника, а что ты там говорила про Госдуму? С этого места поподробнее, плиз. Может, чего и замутим.

«Подавись ты своей моральной победой! И пусть тебя самого от этого мутит», – подумала я. Тоже мне достижение – жениться! Моя первая реакция на услышанное оригинальностью не отличалась. Я была уязвлена и обескуражена. Почему-то я никак не ожидала, что Сережа, во-первых, обрел подружку жизни, а во-вторых, поведет разговор в победительном тоне. Обычная ошибка – недооценивать противника. Тем более друга. Тем более бывшего.

История с Госдумой давно выветрилась у меня из головы. Но в свое время она приласкала мое профессиональное самолюбие. Мои изделия – товар специфический. Это тончайший шелк, который я окрашиваю в самые разные цвета – так, чтобы переливы тонов радовали и лелеяли глаз. Цветовая гамма на каждом платке или палантине получается инди-

видуальной, повторить ее невозможно. Впрочем, эти мотивы – для романтических и утонченных натур. Для натур поконкретней я создаю графический рисунок – цветочки, листики, жонглирую стилизациями на восточные темы – сакуры и прочие китаянки. Спросом пользуются псевдокопии классических картин, что я не очень люблю и, признаться, не совсем умею. Но порой приходится напрячься. А вот продавец из меня патовый, так что отдаю на реализацию в салоны или – что лучше – энергичным коробейникам, которые и снег зимой продадут. Одна из таких продавщиц долго радовала меня своими успехами. Она-то и проникла однажды в Думу накануне Нового года, отыскав себе проводника. Слуги, а точнее, служанки народа, пусть и не столь многочисленные, оценили отвагу моей лазутчицы. Торговля прошла бойко, и, помнится, мы даже отметили это событие, гогоча и воспевая шишечки и ангелочков – полюбившиеся думским матронам неприхотливые принты.

Но почему мои успехи на ниве думских заседательниц заинтересовали Сергея? Мой угрюмый вопрос породил целый фонтан подробностей о его лучезарной супруге – мягко говоря, излишних. Но я стойко вытерпела, тем более что мне посулили серьезный коммерческий интерес. Воистину, нам не дано предугадать, чем слово наше отзовется! И ведь от предложения было не отвертеться. Итак, смешно сказать, я была приглашена Сережей для делового сотрудничества с его женой. Доигралась!

Увернуться от предложения означало струсить. Поэтому я решила выглядеть хотя бы в собственных глазах храброй портняжкой и отправилась в гости в некогда знакомый дом. Сережина супруга оказалась... душкой. Придраться было не к чему, увы. Стремительная, доброжелательная, улыбчивая, без церемоний и лицемерных масок. Без лоска, без макияжа, без причесона – с таким же, как у меня, тощим пучком, который я называю «Прощай, Софи Лорен». Ведь это она говорила, что от прически зависит, как пройдет день, а в конечном счете и вся жизнь. Ну не поддаются мои волосы взбиванию, начесу и прочей парикмахерской дисциплине, у них не итальянские корни, увы! Барышни со схожими проблемами всегда вызывали у меня как минимум сочувствие...

Пока я анализировала зависимость судьбы человека от волосяной луковицы, Ирина быстро перешла к сути вопроса. Подход у нее был деловой и четкий. В другой раз я бы ликовала, найдя такого компаньона. Нынче трудно найти коллегу-единомышленника, который предлагает стоящее дело, а не сомнительную авантюру. И вот я его, точнее, ее нашла. Ирина предлагала кое-что свежее. У нее на примете была одна знакомая, которую она называла Предводительницей. Дама ни много ни мало собиралась делать политическую карьеру. Первые шаги были сделаны – она уже просочилась в администрацию таежного поселка, но, как говорится, королевство маленькое, разгуляться негде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.